

БЕРЕЗКИН Юрий Михайлович

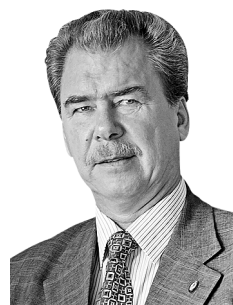
Доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансов

Байкальский государственный университет экономики и права

664003, РФ, г. Иркутск, ул. Ленина, 11

Контактный телефон: (3952) 25-55-50, доб. 171

e-mail: finans@isea.ru, bym4@mail.ru

ИВАНИЦКИЙ Виктор Павлович

Доктор экономических наук, профессор кафедры финансовых рынков и банковского дела

Уральский государственный экономический университет

620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45

Контактный телефон: (343) 221-17-02

e-mail: nvp@usue.ru

Мировой финансовый кризис: необходим выход за рамки экономических теорий

Ключевые слова: мировой финансовый кризис; экономическая наука; кризис экономических теорий; экономика; человеческая деятельность; деятельностный подход; праксиология; экономическая инженерия.

Анализируется ситуация, сложившаяся в экономической литературе после мирового финансового кризиса 2008–2010 гг. Показываются фундаментальные причины неработоспособности современных экономических теорий («мэйнстрима»). Обосновывается точка зрения, согласно которой для адекватного ответа на вызовы времени необходим принципиальный выход за рамки экономических теорий и принятие на вооружение парадигмы деятельностного подхода и экономической инженерии.

Прошло уже больше пяти лет с тех пор, как осенью 2008 г. разразилось событие, получившее звонкое название «мировой финансовый (экономический) кризис»¹. За это время самыми разными авторами было проведено довольно много исследований данного события – причин его возникновения, характера протекания и оценок возможности рецидивов кризиса. В списке источников данной статьи отмечены лишь некоторые из них [1–7].

Параллельно с валом публикаций, посвященных самому кризису, в последнее время стали все чаще появляться работы, носящие рефлексивный характер, в которых пристальному рассмотрению подверглись экономическая наука и господствующие в ней последние десятилетия экономические теории (так называемый «мэйнстрим»). Отметим только некоторые из них: [1; 2; 7–18]. Авторы этих работ пытаются дать ответы

¹ В 2009 г. один из авторов статьи уже писал по поводу неточности употребления термина «кризис» применительно к данному событию [19. С. 52–53, 61]. С тех пор точка зрения не только не изменилась, но даже окрепла. По нашему мнению, то, что началось пять лет назад и продолжается до сих пор «в вяло текущем режиме» [23], не кризис по понятию, а искусственно созданная денежными властями США ситуация по смягчению последствий коллапса американской инженерной схемы долларизации мира, разворачивавшейся с Бреттон-Вудской конференции 1944 г. В данной статье используется сложившаяся в литературе терминология, поскольку тема сегодня несколько иная, и не хотелось бы от нее отклоняться.

на очень нелегкие вопросы: почему практически для всех – для самих экономистов мейнстрима, политиков, банкиров, домохозяйств – так неожиданно случился столь разрушительный кризис, и куда при этом глядела экономическая наука? Почему почти повсеместно официально признанные теории научного мейнстрима, за разработку которых Нобелевский комитет присудил уже немало премий, не только не смогли предсказать надвигающийся кризис, но не сделали на этот счет даже робких намеков? Почему ни экономическая наука в целом, ни политики ведущих стран мира не прислушались к тем редким ученым и специалистам¹, которые заранее предупреждали о надвигающемся кризисе невиданной ранее силы? Наконец, почему политический «бомонд» США (как, впрочем, и большинства других стран мира, включая российский) на словах поддерживают ученых-экономистов, исповедующих идеи мейнстрима, а в практической макроэкономической политике «...избегают любого следования правилам, предпочитая обязательствам свободу и гибкость» [15. С. 99].

Ответы на эти и аналогичные вопросы разными исследователями даются очень разные, но почти все (за редкими исключениями) сходятся на мысли, что современные экономические теории мейнстрима себя полностью дискредитировали и что требуется радикальная смена научной парадигмы в экономике. Приведем только некоторые аргументы, обосновывающие столь жесткий вывод рефлексивно мыслящих ученых

Рассматривая базовые основания (принципы) экономических теорий мейнстрима, многие авторы указывают на их устаревший характер, в силу этого они «...не позволяют объективно анализировать современные социально-экономические проблемы, стоящие ... перед миром, и не дают удовлетворительных теоретических и практических ответов на вызовы времени» [8. С. 6].

Первое базовое обоснование: теория мейнстрима неадекватно представляет предмет экономической науки. Как отмечали А. Кирман, Д. Коландер, Г. Фельмер и другие авторитетные ученые на Международном симпозиуме «Финансовый кризис и системные ошибки академической экономики» (Берлин, 2008 г.), «...часто употребляемое определение предмета экономической науки (проблема оптимального распределения ограниченных ресурсов) неточно и может ввести в заблуждение» [2. С. 12]. Не умаляя важности проблемы распределения ограниченных ресурсов, следует подчеркнуть, что это чрезмерное упрощение предмета экономической науки. Об этом в тех или иных выражениях можно прочесть у многих авторов [7; 8; 13; 15; 18; 20].

Один из столпов современной науки об управлении П. Друкер, возражая против увлечения экономистов поисками устойчивых закономерных состояний, справедливо замечает: «...реальность, на которую опираются естественные науки – физический мир и его законы, неизменна... В социальном мире нет аналогичных „естественных законов“. Предмет изучения меняется непрерывно. А это означает, что представления, которые были справедливы вчера, могут буквально в один момент стать несостоятельными и, более того, ложными» [12. С. 17].

Самая радикальная критика искаженности представления предмета экономической науки, имеющегося в теориях мейнстрима, звучит в работах австрийской экономической школы [14] и отечественной школы деятельностной методологии² [18; 20–22].

¹ Понятно, когда на Западе не «слышат», что говорили/писали российские специалисты (например, О. Григорьев, Л. Иващенко и М. Хазин [7; 10] задолго до 2008 г. о нарастающих в США структурных диспропорциях в экономике и приближающемся кризисе), но этот кризис был предсказан и представителями австрийской экономической школы (праксиологии) [14; 18. С. 15], и другими западными учеными [2. С. 11].

² Эту школу в литературе часто называют «традицией Московского методологического кружка (ММК)», работавшего в Москве с середины 50-х до середины 90-х годов XX века под руководством Г. П. Щедровицкого.

Еще в 1940 г. Л. Мизес писал, что «нет никакой экономики». Есть «праксиология», описывающая многообразную целенаправленную человеческую деятельность, которая и является источником всех благ, потребляемых людьми. «Экономика» – это очень грубое упрощение, или «концептуальная редукция» [2. С. 18] человеческой деятельности и ее предмета [14. С. 70; 18. С. 6–7].

Будучи сторонниками деятельностного подхода [20] к общественным, в том числе экономическим, явлениям, от себя мы добавим: принципиальным недостатком представления предмета исследования в современных экономических теориях является его «натурализм». В них мир экономики постулируется как существующий сам по себе, объективно-натуралистически, практически так же, как природный мир, безотносительно субъективной человеческой деятельности. В теоретическое рассмотрение и экономическое измерение включается не сама деятельность людей (теории мейнстрима ее просто не видят), а вторичные эффекты деятельности (ее последствия) – то, что из нее «вываливается» или, наоборот, втягивается в результате осуществления сложноорганизованных деятельностных процессов – продукты, ресурсы, денежные измерители и все остальное, с чем имеют дело экономисты.

Неустрашимый «натурализм» мейнстримовских теорий проявляется и в том, что в них полностью игнорируется деятельностная функциональность экономических понятий. Это значит, что в них ко всему отношение сугубо как к «вещам» (в аристотелевском смысле слова), т. е. «ресурс» в них – всегда ресурс, «продукт» – всегда продукт. Между тем в человеческой деятельности все не так. Несколько огрубляя, можно сказать: в деятельности все может быть всем! В зависимости от ситуации деятельностного употребления (использования) «продукт» одного процесса (структуры) деятельности в другом становится «ресурсом», в третьем – «товаром», в четвертом – «запасом», в пятом – «деньгами», и т. д. Люди в своей бытовой жизни и работе с этими эффектами перифункционализации вещей (о которых убедительно писал К. Маркс) постоянно сталкиваются как с вполне обычными явлениями, нимало не удивляясь деятельностным метаморфозам окружающих нас вещей. В современных теориях мейнстрима эти фундаментальные свойства предмета экономики игнорируются, превращаясь из теории в инструменты (заведомо плохие) описания (ухватывания) того, что уже безвозвратно случилось в деятельности людей. Отсюда и их безнадежно плохая прогностическая (предсказательная) способность, на которую указывают многие исследователи [2. С. 18–19; 5. С. 18; 8. С. 6; 15. С. 99].

Второе базовое основание: теории мейнстрима базируются на двух основополагающих принципах – принципе экономического равновесия и принципе экономического (репрезентативного) агента. О недопустимости построения современных макроэкономических теорий на идее экономического равновесия (уравновешивания рынков) пишут многие авторы [8; 12; 15–17; 23]. Привязка теоретических моделей мейнстрима к устойчивым состояниям экономического роста, которые лишь иногда «нарушаются внешними шоками» [2. С. 11], делает саму кризисную (антикризисную) проблематику, а также проблему внутренней экономической нестабильности как бы внешней, «потусторонней» по отношению к теориям мейнстрима. Нельзя не согласиться с тем, что «такая ситуация кажется странной» [2. С. 11].

Но, пожалуй, наиболее непримиримым (и подчеркнем – убедительным) критиком принципа равновесия, положенного в основу современных экономических теорий, является Дж. Сорос¹. В середине 1990-х годов он утверждал, что причиной неудовлетворительного состояния экономической науки «...служит элегантная теоретическая

¹ Чтобы была понятна связь критических линий, отметим следующее: Дж. Сорос в свое время учился у Ф. Хайека, лауреата Нобелевской премии 1974 г., который, в свою очередь, являлся учеником Л. Мизеса, одного из основателей австрийской экономической школы.

конструкция, которая напоминает естественные науки, но не напоминает реальность. Она относится к идеальному миру, в котором участники действуют на основе совершенного знания, и приводит к теоретическому равновесию, в котором распределение ресурсов является оптимальным. Она имеет лишь слабое отношение к реальному миру, в котором люди действуют на основе несовершенного понимания, а равновесие недостижимо» [16. С. 19–20].

Несколько лет спустя он писал по поводу рассматриваемой базовой посылки классических экономических теорий еще более жестко: «Рыночное равновесие – продукт аксиоматических предположений. К реалиям жизни это отношения не имеет. Экономисты-последователи классической теории были вдохновлены достижениями ньютоновской физики... Маятник не перестает двигаться вокруг одной и той же точки... Именно этот „центристский“ принцип позволил экономистам-теоретикам сформулировать бесконечно долго действующие правила об уравнивающей роли рынка... Концепция равновесия... может быть очень обманчивой. У нее есть аура некоторого эмпиризма. Но это – не так. Само по себе равновесие в реальной жизни наблюдается редко» [17. С. 39–40].

Дж. Сорос, по нашему мнению, правильно называет это «рабским подражанием естественным наукам в областях, где это неуместно» [17. С. 38].

Второй «кит», на котором построены все теории мейнстрима – принцип индивидуализма (или «репрезентативного агента») – тоже давно обсуждается в литературе и не имеет недостатка в критиках [2; 3; 8; 11; 14]. Основная критика сводится к нескольким моментам: теории мейнстрима изучают не разнородные целенаправленные действия множества разных людей в сложноорганизованной деятельности, а «поведение вымышленного homo oeconomicus»¹ [3. С. 14], или его еще называют «репрезентативным агентом» экономики, обладающим «рациональными ожиданиями» [2. С. 17]. Тем самым, во-первых, сложноустроенная экономика представляется некой примитивной «робинзонадой с рациональными ожиданиями»; во-вторых, выводы из теоретически предполагаемого поведения одного репрезентативного агента необоснованно распространяются на всю макроэкономику (т. е. на систему существенно более высокого уровня сложности, чем индивидуальное «хозяйство Робинзона», и неизбежно возникающими в связи с этим эффектами эмерджентности)²; в-третьих, подспудно предполагается, что существует одна единственная модель экономики («что само по себе странно, ведь экономисты не сходятся во взглядах по поводу корректности различных моделей» [2. С. 17]); в-четвертых, принцип «рациональности ожиданий» репрезентативного субъекта «не является компонентом модели, основанном на эмпирических наблюдениях за формированием

¹ Л. Мизес писал по этому поводу: «Основная ошибка исторической школы *Wirtschaftliche Staatswissenschaften* в Германии и институционализма в Америке заключается в интерпретации экономической науки как описания поведения идеального типа *homo oeconomicus*. Согласно этой теории традиционная, или ортодоксальная, экономическая наука изучает не реальное поведение человека, а абстрактные и гипотетические образы. Она описывает существо, движимое исключительно экономическими мотивами, т. е. одним стремлением получить наибольшую вещественную или денежную выгоду. Такое существо, говорят критики, не имеет аналога в реальной действительности; это фантом ложной кабинетной философии. Ни один человек не подвержен исключительно страсти стать как можно более богатым, а некоторые вообще находятся вне влияния этого усредненного стремления» [14. С. 50].

² Как справедливо замечают А. Кирман с коллегами, «...чтобы разрабатывать модели, которые позволили бы выводить макрособытия из микроэкономических закономерностей, экономисты должны заново продумать понятие микрооснований в макроэкономических моделях. Поскольку *экономическая деятельность* (курсив наш. – Авт.) по своей сути предполагает взаимодействие экономических агентов, то в микрооснованиях необходимо это взаимодействие учитывать» [2. С. 18].

ожиданий участников процесса» [2. С. 15]. Это лишь удобное (для построения теории) внешнее (по отношению к макроэкономическим моделям) предположение, не соотносящееся с тем, как в действительности принимаются решения экономическими субъектами. «Они (экономические субъекты. – Авт.), наоборот, демонстрируют различные формы „ограниченной рациональности“, используя эвристические правила принятия решений, не воспринимая новую информацию и т. д. На финансовых рынках они подвержены сильному влиянию эмоциональных и гормональных реакций» [2. С. 17].

Третье базовое основание теории мэйнстрима, нещадно критикуемое в литературе, касается используемого в них метода. Суть критики заключается в том, что экономические теории мэйнстрима утратили (или даже никогда не имели) собственного метода исследования. Физикализация и натурализация оснований этих теорий привела к неумеренному стремлению к их математизации. Об этом, в частности, пишет В. С. Бочко: «Метод экономического исследования... „уходит“ в математизацию, что позволяет, с одной стороны, повысить точность анализа и моделирования, а с другой – ведет к потере связи с предметом исследования» [8. С. 12]. Профессор Гарвардского университета Н. Г. Мэнкью указывает на этот же изъян мэйнстрима, только в более политкорректных выражениях: «Для науки строгость, которую предложили новые классики, весьма привлекательна. Но... цена такой строгости слишком велика» [15. С. 94].

Один из крупнейших специалистов по математической экономике А. Кирман и его коллеги тоже вынуждены были констатировать, что «математическая строгость и точность в вычислении» ведет к «опасности иллюзии контроля» и «скрывает принципиальную слабость допущений» теоретических моделей мэйнстрима [2. С. 15].

Более жестко высказывается на этот счет лауреат Нобелевской премии по экономике (1988 г.) французский экономист М. Алле: «Появилась масса псевдотеорий, основанных на механистическом применении эконометрики и статистики. Вместе с тем... целые области экономики, а их большинство, могут прекрасно изучаться без помощи математики... В течение четырех десятилетий экономическая литература развивалась в ошибочном направлении: в сторону математического формализма, что представляет собой, по сути дела, большой шаг назад» (цит. по источнику [11. С. 35]). Известные американские экономисты Р. Хейлбронер и У. Милбери также отмечали, что «новое поколение экономистов заводит теорию в дебри абстракции и математизации» [11. С. 35].

Член Палаты лордов Великобритании профессор Р. Скидельски не менее откровенен относительно роли математизации в современной экономической теории: «...Экономика находится даже довольно далеко от того, чтобы быть наукой... Экономике научный вид придают ее предположения, которые могут выражаться в математическом виде, абстрагируясь от многих решающих особенностей реального мира» [11. С. 35–36].

Видный английский экономист М. Блауг в докладе на международной конференции «Факты и фикции в экономической науке» (2002 г.) говорил: «Современная экономическая наука больна. Она все больше превращается в интеллектуальную игру ради самой игры, независимо от ее практической пользы. Экономисты постепенно подменили свой предмет, обратив его в некую Социальную математику» [11. С. 36].

Наконец, лауреат Нобелевской премии (2008 г.) П. Кругман в журнале *The Economist* (July 18, 2009) констатировал: «...за последние 30 лет макроэкономика была в лучшем случае впечатляюще бесполезна, а в худшем – просто вредна» (цит. по: [11. С. 37]).

Это далеко не полный перечень критических высказываний тех известных экономистов, кто понял всю несостоятельность современного экономического мэйнстрима только из-за того, что он чрезмерно математизирован в ущерб делу.

Если встать на позиции прагматики австрийской экономической школы [14; 16; 17] или ее более развитой версии – деятельностной методологии, созданной в ММК [18; 20–22], то придется констатировать, что сам факт использования (даже не чрезмерного) математических методов в экономических исследованиях прямо

указывает на непонимание экономистами мейнстрима самых принципиальных моментов онтологии человеческой деятельности. Дело в том, что человеческая деятельность в принципе не может быть описана математическими методами¹ (во всяком случае, созданными математиками до сих пор). Так, Л. Мизес на этот счет пишет совершенно определенно: «Физику не свойственно искать конечные причины, так как ничто не указывает на то, что события, являющиеся предметом физических исследований, могут быть истолкованы как результат деятельности существа, преследующего цели, наподобие человека. Праксиолог, исследователь человеческой деятельности, не может игнорировать воздействие волений и намерений действующего существа; это факты, не подлежащие сомнению. Если бы он ими пренебрег, то прекратил бы изучать человеческую деятельность» [14. С. 23]. И чуть ниже разъясняет: «Науки о человеческой деятельности радикально отличаются от естественных наук. Все авторы, стремящиеся построить... систему наук о человеческой деятельности в соответствии с моделью естественных наук, безнадежно заблуждаются» [14. С. 32]. К деятельности людей не могут быть применены математические (количественные) методы, поскольку «...здесь мы сталкиваемся с одним из основных различий между физикой и химией, с одной стороны, и науками о человеческой деятельности, с другой. В мире физических и химических событий существуют (или, по крайней мере, считается, что существуют) постоянные зависимости между величинами, и человек способен открыть эти постоянные с разумной степенью точности с помощью лабораторных экспериментов. Аналогичные постоянные зависимости отсутствуют в сфере человеческой деятельности... Невозможность измерения состоит не в недостатке технических методик определения меры... Если бы это было связано лишь с техническими трудностями, по крайней мере, приблизительная оценка в некоторых случаях оказалась бы возможной. Но истина заключается в отсутствии постоянных соотношений. Вопреки постоянным заклинаниям невежественных позитивистов, экономическая теория не является отсталой наукой из-за того, что не носит количественного характера. Она не является количественной и не производит измерений, так как отсутствуют константы. Статистические цифры, относящиеся к экономическим событиям, это исторические данные» [14. С. 44–45].

Эти и подобные утверждения могут вызвать недоумение у читателя: ведь всем же очевидно, что экономисты во все века что-то считали – деньги, объемы производства и т. п. – с использованием количественных методов. О чем же тогда пишет классик австрийской экономической школы?

Да, экономисты считали всегда. Но, что считали? Считали и до сих пор считают не что иное, как материализованные вторичные эффекты, или «следы», человеческой деятельности. Считают то, что уже вышло из какого-то ее деятельностного акта. Но саму деятельность людей посчитать невозможно. Для ее научного описания нужны принципиально иные, не математические, методы, позволяющие ухватывать структуры и способы организации самой деятельности, а также ее реорганизации и развития. В этом плане основная претензия к теоретикам мейнстрима состоит в том, что бессмысленно строить математические модели оптимального распределения ограниченных ресурсов, если «за бортом» (вне поля зрения этих моделей) остаются логически более первостепенные вопросы: как была организована деятельность людей, вследствие чего ресурсы стали дефицитными? Как будет организована деятельность других людей, в которой эти ресурсы будут использоваться? Без ответов на эти и подобные вопросы

¹ Чтобы у читателя не возникали сомнения, поясним. В 1971 г. Ю. М. Березкин окончил Новосибирский государственный университет, получив специальность «экономист-математик», 20 лет работал в академической науке, занимаясь научными исследованиями с использованием экономико-математических моделей (в том числе защитил по этой тематике кандидатскую диссертацию), пока окончательно не убедился в их практической бесполезности.

игра в математические модели макроэкономики становится похожей на сеансы спиритизма (с той же практической пользой, что и у последних). Стандартный ответ экономистов мейнстрима, что «невидимые руки и прочие части тела способны эффективно выполнять функции стабилизаторов макроэкономических систем» [5. С. 18], и «рынок все сам организует», после экономического краха 2008 г. уже не убеждает даже многих сторонников либерализма в экономике.

У читателя может возникнуть закономерный вопрос: если экономические теории мейнстрима, базирующиеся на посылах, не соответствующих современной экономической реальности, и на неадекватных (с точки зрения предмета экономической науки, коим является деятельность) математических методах моделирования, полностью себя дискредитировали и должны быть отброшены, что тогда может быть предложено взамен?

Ответов на этот животрепещущий в посткризисный период вопрос в литературе можно найти не меньше, чем критики мейнстрима. Качественные характеристики этих ответов тоже очень сильно варьируют. Есть совсем простые, например работа Р.Б. Габдуллина [9]. В ней предлагается построить «новую теорию», которая объединяла бы в себе практически все известные «методологические подходы»: от социальной философии и политэкономии до теории систем и макроэкономической теории [9. С. 20]. Автор, к сожалению, не говорит, как такое в принципе возможно¹? Представляется, что обсуждать практическую значимость этого и подобных предложений не имеет особого смысла.

Встречается в литературе и другая крайность, которую можно условно назвать «экзотическими» предложениями. К одной из таких уместно отнести работу Б.Л. Кузнецова [13], предлагающего отказаться от «существующих экономических суждений (гипотез, учений, теорий)» и заняться построением «метаэкономики», «в которую вкладывается смысл, экономические утверждения и дефиниции, формулируемые на основе взгляда на хозяйственную деятельность на Земле с позиций наблюдения за поверхностью планеты из Космоса» [13. С. 5]. И хотя автор в качестве обоснования своей идеи приводит очень точное высказывание Дж. М. Кейнса: «...Если ортодоксальная экономическая наука заходит в тупик, причину следует искать не в общей структуре, которая с большим тщанием была доведена ранее до логической стройности и непротиворечивости, но в отсутствии ясности и общности в посылах» [13. С. 5], на наш взгляд, классик вряд ли имел в виду, что для решения злободневных вопросов современности нужно занять «позицию наблюдателя за поверхностью планеты из Космоса». Как нам представляется, он имел в виду совсем другое: если научные теории, которые долго доводились до совершенства, перестают работать, надо задуматься над заложенными в них посылами и заменить их. Что он, собственно, и сделал: отбросил научно-теоретические посылы, выработал инженерные и стал первым экономическим инженером².

¹ Давно логически доказано, что разнопредметные научные знания не «скрещиваются». А если ученые начинают строить знание на стыке разных научных предметов, то получается не синтез разнопредметных знаний, а еще один (новый) предмет. Так, например, в свое время Н. С. Курнаков создал физическую химию, аналогично появились биохимия, социальная психология и другие «гибридные» предметы. Никакой междисциплинарной теории быть не может по определению.

² Как пишет Н. Г. Мэнкью, называющий себя практически работающим экономическим (финансовым) инженером: «...Развитию нашей дисциплины (имеется в виду «макроэкономика». – *Авт.*) способствовали усилия двух типов макроэкономистов: тех, кто понимает ее как род инженерии, и тех, кто видит в ней чистую науку. Инженеры – это в первую очередь люди, решающие конкретные задачи. Цель ученых – понять, как устроен мир... Если первые их поколения пытались решать практические задачи, то затем исследователи стали больше интересоваться развитием аналитических средств и разработкой теоретических принципов... Существенные расхождения между ними – факт, униженный для всех макроэкономистов... Сам Кейнс и те, кто разрабатывал кейнсианские модели, были талантливыми инженерами» [15. С. 86, 88].

А позиция наблюдателя, тем более из Космоса, все равно остается теоретической¹, ничего не решающей на практике.

О необходимости создания новой макроэкономической теории (модели), которая была бы междисциплинарной, лучше описывала новые посткризисные реалии в мировой экономике, обладала прогностической функцией, учитывала гетерогенные взаимодействия экономических агентов, была бы лучше обоснована эмпирически и восполняла другие недостатки нынешних теорий мейнстрима, пишут многие критически настроенные авторы [2; 3; 7; 8; 10]. При этом, даже если некоторые авторы действительно нащупывают рациональные основания для преодоления «рабского подражания естественным наукам», то и тогда, к сожалению, им зачастую не удается преодолеть «плен теоретизма». Вот яркий тому пример. В. С. Бочко, на наш взгляд, очень точно пишет: «Ведущей особенностью современного развития экономики как комбинации неоднородных факторов является отход от стихийного их перекомбинирования и переход в массовом порядке на *рукотворное*, т. е. сознательное и целенаправленное действие» [8. С. 9]. И далее: «Рукотворными являются не только положительные экономические преобразования..., но и негативные. Например, экономические кризисы, обвал валют или отдельных производств, банкротство предприятий и целых территорий» [8. С. 9].

Казалось бы, только один шаг осталось сделать, чтобы сказать: нужно отбросить попытки улучшить обанкротившиеся экономические теории (что после кризиса стало очевидно) и заняться этими самыми «рукотворными, т. е. сознательными и целенаправленными действиями». А действия людей – это совсем другая «материя». Она научно-теоретически не схватывается и в научной теории не описывается. Тем не менее буквально через страницу В. С. Бочко пишет о «необходимости появления новой теории», да еще «междисциплинарной» [8. С. 11]. Что называется, комментарии излишни.

Здесь, как нам представляется, необходимо пояснение методологического характера. В работах по методологии науки (их огромное множество, в списке источников данной статьи – [20–22] – лишь малая толика) уже относительно давно отрефлектированы и описаны условия построения научных теорий в рамках наук Нового времени, которые начали развиваться с XVII века.

Во-первых, показано, что любая научная теория² всегда *предметна*, или носит частичный характер, описывает мир с какой-то одной (зафиксированной в предмете) стороны (межпредметных теорий не может быть в принципе).

Во-вторых, для построения научной теории необходимо в мыслительном плане построить *идеальный объект* исследования (к реальности ни одна научная теория напрямую отношения не имеет, только через посредство идеальных объектов; примерами идеальных объектов изучения в разных науках являются «идеальный маятник», «абсолютно твердое тело», «атом», «элементарная частица» – в физике, «химический элемент» – в химии, «клетка» – в биологии, «ген» – в генетике и т. д.).

В-третьих, основным свойством идеального объекта (и связей в нем) в любой науке является *инвариантность*, т. е. неизменность и независимость от того, что делает ученый в процессе исследования, и от полученных о нем знаний (результатов исследования).

¹ Слово θεωρία в переводе с древнегреческого «смотрение, наблюдение», произошло от двух слов θεα – «вид, зрелище» + βλέω – «смотрю, вижу». θεωρητικός – «умозрительный, созерцательный, теоретический». «Теоретиками» в Греции называли зрителей в театре, которые наблюдали за представлением, не вмешиваясь в действие. И любая научная теория построена на этом же принципе – наблюдение и описание без вмешательства.

² Поскольку общественные науки (социология, экономика и др.) были построены позже естественных наук и по их «образу и подобию», т. е. была снята калька с требований научности, предъявляемых к естественным наукам, прежде всего к физике, то все излагаемое ниже в полной мере должно относиться и к экономическим теориям.

В-четвертых, обязательно делается предположение, что мыслительный идеальный объект может быть найден в реальности, но не напрямую (не в результате натурального опыта), а в искусственно-технически созданных *экспериментальных условиях*.

Четвертый пункт особенно важен. Так, Г. Г. Копылов, много лет отдавший изучению методологии науки, очень точно пишет: «У каждой науки есть свой „технический спутник“ – соответствующая инженерия... Под ней, как принято, понимается совокупность знаний и приемов, которая... носит конструктивно-техническую направленность (т. е. эти знания отвечают не на вопрос „Как устроено?“, а „Как сделать, чтобы...?“ или „Что будет, если...?“... Так, параллельно с наукой механикой существует – под тем же именем – механика как инженерия; инженерией для биологии человека служит медицина, для генетики – генная инженерия и т. п. Инженерные знания реализуются в создаваемых на их основах производствах и технологиях... Современная ядерная физика описала более двух сотен элементарных частиц, но все они существуют *только* (курсив наш. – Авт.) внутри специальных приборов-ускорителей... „Полноценный“ научный мир формируется только при том условии, что онтологические представления реализуются в нем с помощью собственно инженерных методов» [21. С. 16, 18, 19].

Если снова взглянуть через данную «призму» условий построения и проверки научной теории на критику экономических теорий мейнстрима, то легко обнаружить три вещи. Во-первых, во многом экономисты-теоретики мейнстрима правы, а их критики не правы. Нетрудно видеть, что в мейнстриме есть свой частный предмет (оптимальное распределение ресурсов), есть свой идеальный объект (*homo oeconomicus*, или репрезентативный агент), он неизменен и напрямую не соотносится с реальными экономическими агентами. Поэтому вся критика, которая указывает на то, что в мейнстримовские теории не встроены факторы возникновения кризисов или что в этих теориях нет живых людей, или что эти теории не соответствуют эмпирической реальности – «пролетает» мимо. Ничего такого и не должно быть в теориях мейнстрима. В них все, как в любой нормальной научной теории, за исключением «малости»: в них не предусмотрен четвертый пункт – инженерная экспериментальная проверка научных теорий мейнстрима. Это во-вторых. И в этом неправы уже теоретики мейнстрима, полагая, что «кейнсианская инженерия основана на псевдонауке» [15. С. 90]. Ведь никакая инженерия (в том числе экономическая) и не должна быть основана на науке. Все как раз наоборот: инженерия с ее специфическими методами дает (или не дает) право науке называться Наукой, подтверждая (или не подтверждая) в эксперименте научно-теоретические идеализации. Но почти *никто* (!) из критиков экономических теорий мейнстрима не указывает на этот их принципиальнейший недостаток, который делает их по сути псевдотеориями. И это уже в-третьих.

В результате Н. Г. Мэнкью вынужден был констатировать: «Тот факт, что современные макроэкономические исследования недостаточно широко используются в реальном политическом планировании, свидетельствует лишь о том, что в них мало практической пользы. Возможно, они и значительны для науки, но вклад их в макроэкономическую инженерию невелик» [15. С. 99]. И чуть ниже добавляет: «Согласно известному изречению Дж. М. Кейнса, было бы чудесно, если бы экономистам удалось убедить людей воспринимать их в качестве скромных компетентных профессионалов, как, например, зубных врачей. Он надеялся, что научная макроэкономика разовьется в полезный и привычный вид инженерии. В этой утопии предотвратить рецессию станет так же легко, как поставить пломбу... С точки зрения инженерии работа последних десятилетий кажется в целом неудачной» [15. С. 101].

Вывод американского специалиста неутешителен, но поскольку в США экономическую (финансовую) инженерию уже преподают в университетах, и «за редкими исключениями, старшекурсники обычно стремятся быть инженерами, а не учеными» [15. С. 100], как нам представляется, там мода на теории мейнстрима должна пройти очень скоро.

В России все сложнее. В российских экономических вузах студентов продолжают «оболванивать» теориями экономика, макро- и микроэкономики, массированно преподают практически бесполезные методы математического программирования (все это предусмотрено действующими образовательными стандартами), но нигде (за редчайшими исключениями, как например, в Тольяттинской академии управления) не учат экономической (финансовой) инженерии. И хотя некоторые российские ученые, в частности Р.М. Нижегородцев, пишут: «Налицо крах либеральной доктрины управления экономикой, приведшей современные макроэкономические системы в тупик, выход из которого возможен только на путях применения кейнсианских рецептов экономической политики» [4. С. 9], делать это в нашей стране практически некому, профессионалов в области экономической (финансовой) инженерии нет совсем.

Между тем есть все основания, чтобы данную профессию достаточно быстро (за пару десятилетий) в России развить, если образовательным сообществом будет осознана необходимость в ней. В отличие от США, где экономическая (финансовая) инженерия, что называется, осуществляется «наощупь», без должного методологического фундамента, такой фундамент в принципе давно был заложен в трудах австрийской экономической школы, а в России был существенно развит в ММК. К сожалению, эти фундаментальные наработки оказались не востребованными в нашей стране из-за «рыночной лихорадки» и слепого следования американским рецептам реформирования экономики.

Методы экономической инженерии базируются на деятельностных и мыследетельностных представлениях. Так, Л. Мизес в 1940 г. утверждал: «Деятельность и мышление являются со-родными и гомогенными; их можно даже назвать двумя аспектами одного предмета. Мышление путем чисто логического рассуждения способно прояснить существенные характерные черты деятельности. Это выступает следствием того факта, что деятельность является ветвью мышления» [14. С. 33]. А четверть века спустя, в 1966 г., формулируя пункты программы методологических исследований в ММК, Г.П. Щедровицкий пишет¹: «Это дало возможность перевести научное изучение мышления и деятельности из сферы философии в сферу позитивного научного изучения. Поэтому мы сейчас говорим, что стоит задача построить теорию мышления и теорию деятельности как собственно научные, а не философские дисциплины» [22. С. 258]. За последующие 30 лет детально были разработаны деятельностный, а затем и мыследетельностный подходы. На этой основе учениками Г.П. Щедровицкого были проработаны методы общественной инженерии². Об этом же пишет и Г.Г. Копылов в заключении упомянутой выше статьи, где рассматриваются методологические вопросы соотношения науки и инженерии: «Мы считаем, что изложенная точка зрения на соотношение „реальности“, научных идеализаций и законов и инженерных миров является собой логическое следствие системодетельностного взгляда на структуру и развитие науки, развитого в трудах Московского методологического кружка в 50–70-е годы, и, соответственно, деятельностного подхода» [21. С. 22].

Подводя итог, сформулируем тезис, ради которого, собственно, и писалась данная статья. С нашей точки зрения, действительно реальным выходом из той ситуации, в которую попала экономическая наука после финансового кризиса 2008 г., является выход за рамки экономических теорий (всех!) и освоение уже наработанных деятельностной методологией методов экономической (финансовой) инженерии. А такие методы существуют³.

¹ Достоверно известно, что в ММК тех лет труды Мизеса не были известны из-за «железного занавеса». Поэтому методологические исследования мышления и деятельности проводились независимо от работ австрийской экономической школы. Но впоследствии выяснилось, что они во многом перекликались.

² См. сайт, на котором представлена обширная библиотека методологических текстов (более 1 000 ед.), в том числе по проблемам общественно-экономической инженерии: www.berezkin.info.

³ В частности, один из авторов этих строк (Ю. Б.) в 2002 г. защитил докторскую диссертацию по проблемам и методам финансовой инженерии.

Источники

1. Ариели Д. Конец рациональной экономики // Harvard Business Review Россия. 2009. Окт.
2. Финансовый кризис и провалы современной экономической науки / А. Кирман, Д. Коландер, Г. Фельмер и др.; пер. с англ. С. Щур // Вопр. экономики. 2010. № 6.
3. Куклина Л. Н., Пономарева С. И. Мировой экономический кризис и модели посткризисного развития: макроэкономический анализ // Изв. Урал. гос. экон. ун-та. 2012. № 1 (39).
4. Нижегородцев Р. М. Мировой финансовый кризис: предчувствие второй волны // Изв. Урал. гос. экон. ун-та. 2012. № 2 (40).
5. Нижегородцев Р. М. Мировой финансовый кризис: новые угрозы и новые возможности // Изв. Урал. гос. экон. ун-та. 2009. № 1 (23).
6. Татаркин А. И., Татаркин Д. А. Причины мирового финансового кризиса и возможные сценарии развития России в условиях глобализации // Изв. Урал. гос. экон. ун-та. 2009. № 1 (23).
7. Хазин М. Теория кризиса. Режим доступа: <http://design-for.net/page/teorija-krizisa-hazina>.
8. Бочко В. С. Кризис основного течения современной экономической теории: содержание и следствия // Изв. Урал. гос. экон. ун-та. 2012. № 2 (40).
9. Габдуллин Р. Б. Управление экономическими системами в посткризисный период: теория и генезис методологических подходов // Изв. Урал. гос. экон. ун-та. 2013. № 3–4 (47–48).
10. Григорьев Л., Иващенко А. Теория цикла под ударом кризиса // Вопр. экономики. 2010. № 10.
11. Гришин А. Нарастающая критика чрезмерно широкого применения математики в экономической науке // Приоритетность качества услуг латвийских вузов: проблемы и предложения. Разд. 4. Режим доступа: http://www.tsi.lv/Research/Conference/MIP_2010/6.pdf.
12. Друкер П. Задачи менеджмента XXI века. М. : Вильямс, 2001.
13. Кузнецов Б. Л. Метаэкономика: проблемы экономического будущего человечества // Изв. Урал. гос. экон. ун-та. 2012. № 4 (42).
14. Мизес Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории (1940). Режим доступа: berezkin.info/wp-content/uploads/2011/02/Mizes.zip.
15. Мэнкью Н. Г. Макроэкономист как ученый и инженер // Вопр. экономики. 2009. № 5.
16. Сорос Дж. Алхимия финансов. М. : ИНФРА-М, 1996.
17. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. М. : ИНФРА-М, 1999.
18. Щедровицкий П. Г. Повестка дня 2010-х: цикл лекций (Иркутск, 4–7 сентября 2011 г.) Режим доступа: http://www.fondgp.ru/lib/mmk/180/TCikl_lektcij_v_Irkutsk_Povestka_dnya_2010-h.pdf.
19. Березкин Ю. М. Причины финансового «кризиса» // Изв. Урал. гос. экон. ун-та. 2009. № 2 (24).
20. Березкин Ю. М. Основания деятельностной методологии. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2012.
21. Копылов Г. Г. Научное знание и инженерные миры // Кентавр. Методологический и игротехнический альманах. 1996. № 1.
22. Щедровицкий П. Г. Философия. Наука. Методология. М. : Школа культурной политики, 1997.
23. Фадеев Н. Медведев предложил отказаться от рубля: ЕврАзЭС может обзавестись единой валютой. Режим доступа: <http://www.ladno.ru/actarch/20835.html>.